

Магия любви

Автор:

Джоанна Линдсей

Магия любви

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа Семейство Мэлори #4

Юная Эми по праву считалась достойной представительницей буйного и упрямого клана Мэлори. Раз поставив себе цель, решительная красавица привыкла добиваться ее любой ценой. А потому, задумав стать женой неотразимого Уоррена Андерсона, Эми не сомневалась в успехе. Однако в Уоррене девушка встретила достойного противника. Человек с неукротимым и властным характером, он решил бороться с зарождающейся любовью до победного конца – решил, еще не понимая, что истинную, жгучую, безумную страсть не победить никакой силой воли.

Джоанна Линдсей

Магия любви

Johanna Lindsey

The Magic Of You

© Johanna Lindsey, 1993

© Перевод. Е. Г. Шабалова, 2016

* * *

Глава 1

Лондон, 1819 год

Однажды вечером в лондонской таверне милостивая служанка загрустила при виде трех молодых респектабельных джентльменов (они все были хороши собой). Молодые люди заказали напитки, не обратив на прелести девушки ни малейшего внимания. Она вертелась поблизости в надежде попасться на глаза хотя бы одному из них. Особенно ее привлек красавец с золотыми волосами и пронзительными зелеными глазами – глазами, которые так много обещали. Хоть бы разок глянул на нее!

Дерек, чье имя она подслушала чуть позже, сразу поразил ее воображение, как только появился в дверях. Никогда она не видела мужчины прекраснее – во всяком случае, пока вслед за ним не вошел самый молодой из джентльменов.

Казалось, просто невозможно быть таким красивым. Впрочем, ее собственный опыт общения с молодыми людьми был насколько небогат, настолько и неудачен. С другой стороны, дьявольски зажигательные глаза этого юнца, пожалуй, свидетельствовали о том, что в его нежные годы он уже умеет доставить женщине удовольствие. Будучи выше своих товарищей и шире в плечах, он приковывал женские взгляды еще и своими ясными глазами кобальтового цвета и волосами черными как ночь.

Третий джентльмен, скорее всего самый старший из них, был не так красив, как его товарищи, но, по правде говоря, он был не лишен привлекательности, однако оба приятеля совершенно затмевали его.

Девушка вздыхала снова и снова, ждала, надеялась, просто таяла у них на глазах, хотя и чувствовала, что сегодня ее ждет разочарование, так они были увлечены разговором.

Троица, по-видимому, привыкла к почти непристойным взглядам женщин в таких тавернах. И сейчас они не обращали внимания на полные любопытства взгляды служанки, но ход их разговора все-таки изменился.

– Как это ему удается, Дерек? – удивился Перси, слегка глотая окончания слов. Он говорил об их молодом товарище, Джереми, двоюродном брате Дерека. – Пьет наравне с нами, черт побери, стакан за стаканом и сидит трезвехонек.

Братья Мэлори с усмешкой переглянулись. Перси не знал, что Джереми прошел полный курс наук в шайке настоящих пиратов: он был обязан им своим умением пить, а о женщинах знал все, что положено морскому разбойнику. Но в семье, а тем более в обществе это было известно немногим, впрочем, как и о том, что отец Джереми – Джеймс Мэлори, виконт Рэдинг, – был главарем этой шайки. В те времена он был известен как Ястреб. В круг посвященных никогда не будет входить Персиваль Олден, или Перси, как звали его друзья. Старина Перси не способен сохранить секрет, даже если речь идет о спасении его бессмертной души.

– Дядя Джеймс настаивает, чтобы вино Джереми всегда разбавляли водой. Разве ты не знаешь? – Дерек солгал не моргнув глазом. – Иначе его бы со мной не отпускали.

– Ох, черт, я и не предполагал. – Перси вздохнул с облегчением, больше не тревожась о том, что восемнадцатилетний неоперившийся юнец дает ему фору в таком мужском деле.

Перси было двадцать восемь лет, и он действительно был самым старшим в этой тесной компании. Он был абсолютно уверен, что должен во что бы то ни стало пить больше всех. Если честно, Дерек в свои двадцать пять в состоянии перепить его без особых усилий, а самое неприятное, что молодой Джереми, которому только восемнадцать, кажется, оставит их далеко позади. Как это прискорбно, когда твой отец – распутник, вернувшийся на стезю добродетели, – не только лично следит за тобой, но и привлекает к этому всю свою семью, весь многочисленный клан Мэлори.

Впрочем, Дерек ни слова не говорит Джереми, когда тот исчезает поздно ночью под руку с какой-нибудь смазливой бабенкой, так что у юнца есть свои радости. Если хорошенько подумать, Перси не мог бы вспомнить ни единого вечера за весь год, когда под крылышком Дерека Джереми не нашел бы себе готовую на все женщину, будь то в какой-нибудь таверне, публичном доме подороже или на великосветском рауте. Джереми сопутствовала дьявольская удача с прекрасным полом: и проститутки, и леди, и дамы всех возрастов не могли устоять перед очарованием младшего Мэлори. В этом отношении он настоящий сын своего отца Джеймса Мэлори, да и его дядя Энтони того же поля ягода. Скандалы вокруг романов двух братьев Мэлори в свое время принесли им громкую славу.

Дерек, единственный сын старшего брата Мэлори, несмотря на свою удачу с женщинами, благоразумен, ведет себя гораздо приличнее и не имеет охоты к публичным скандалам.

Раздумывая над этим, Перси подозвал служанку и начал что-то шептать ей на ухо. Кузены мгновенно догадались, в чем дело: он заказывает еще выпивку, однако тайком договаривается, чтобы Джереми не подливали больше воды.

Парни едва удержались от хохота. Заметив нахмуренные брови девицы, которая собиралась объявить Перси, что никакой воды она ни разу никому не подливала, Дерек кивнул служанке, перехватив ее взгляд, подмигнул, давая знать, что тут дело в шутке или каком-нибудь пари, и прося не раскрывать их секрета. Сообразительная девчонка мигом все поняла и с улыбкой убежала выполнять заказ.

Глава 2

В Лондоне в только что купленном роскошном особняке на Беркли-сквер Джорджина и Джеймс Мэлори решили отложить обсуждение приезда ее братьев по крайней мере до утра, так как вряд ли могли прийти к какому-нибудь соглашению. По правде говоря, в глубине души Джорджина понимала чувства своего мужа – в конце концов, они избили его и заперли в погребе. Самый сердитый, Уоррен, едва не повесил пирата Джеймса за то, что тот ограбил два судна пароходства Андерсонов. Но подлинной причиной было то, что Джеймс скомпрометировал Джорджину, да еще публично признался в этом на балу, где

присутствовала добрая половина их родного города Бриджпорта.

Да, Уоррен был во многом виноват. Виноват в семейных распрях между мужем и ее братьями. Но не Джеймсу бросать в него камень. Своими колкостями он раздувал пламя вражды, и без того полыхавшее между Мэлори и Андерсонами с самого первого дня. Кроме того, кинувшись за Мэлори в Англию, братья догнали Джеймса и Джорджину в Лондоне, быстро их поженили и только тогда обнаружили, что попались в ловушку, которую расставил им бывший пират: все их действия были только на руку новоиспеченному шурина.

Даже выдав замуж сестру, Андерсоны не оставляли разговоров о том, что неплохо бы повесить негодяя Мэлори.

К своему ужасу, Джорджина понимала и Уоррена: ее братья не могли не презирать бывшую метрополию. Даже до войны с Наполеоном блокада Европы англичанами стоила андерсоновскому «Скайларку» нескольких торговых линий. Многие суда пароходства были взяты королевским флотом на abordаж, что само по себе уже было вопиющим нарушением прав, да к тому же, желая пополнить свои ряды, англичане под предлогом поиска дезертиров насильно уводили с кораблей часть команды. В одной из таких стычек Уоррен заработал себе небольшой шрам на левой щеке. Да, ни один из ее братьев не любил британцев, а война еще больше все осложнила. Стоило ли удивляться, что они считали английского виконта Джеймса Мэлори, некогда известного лондонского повесу и бывшего пирата, отнюдь не подходящей парой для своей единственной сестры. Если бы она не любила мужа до беспамятства, они тут же забрали бы ее обратно домой.

Джеймс все это прекрасно знал и не питал никакой любви к своим дорогим родственникам. Но ни Джеймс, ни Джорджина и не собирались спорить по этому поводу сегодня, да еще в таком месте. Супруги научились не касаться столь деликатных материй в спальне. Нельзя сказать, что они никогда не выясняли отношений, время от времени яростные перепалки случались и здесь, равно как и в других комнатах, но в спальне они легче всего приходили к примирению.

Вот и сейчас они только что закончили отвлекаться, и, надо сказать, самым приятным образом; Джеймс все еще нежно обнимал жену, слегка покусывая и лаская ее руки и шею, что скорее всего означало, что они вот-вот вернутся к своему занятию. Джорджина находила весьма забавным, что и Джеймс, и Энтони, опытные столичные волокиты в прошлом, почти одновременно получили

настоятельные рекомендации от докторов своих жен, которые были на последних сроках беременности, блюсти себя и воздерживаться. При этом они так успешно притворялись, что изо всех сил выполняют предписания докторов, что и друзья, и ближайшие родственники поверили. Даже Джереми пытался утешать отца, рассуждая о том, что две недели – это не испытание для морского волка. Уж Джереми-то мог бы догадаться, что такие умельцы, как Джеймс и Энтони, найдут способ обойти советы и доставить себе и женам удовольствие.

Джеймс был страшно доволен этими играми, наслаждался своим положением, долго притворялся мучеником, пока не получил письмо из Америки и в притворстве отпала необходимость: его настроение настолько ухудшилось, что он немилосердно срывал его на своих домашних и несколько раз даже нагрубил Джорджине, но она уже давно научилась мстить ему в подобных случаях, не обращая на грубость никакого внимания, что доводило ее дорогого супруга до исступления.

Будь они прокляты, эти балы! Вот уж никогда бы на них не ходил, но женатый человек обязан считаться со своим положением! Старики (так они с Энтони называли своих старших братьев) настаивали, но он никуда не потащился бы им в угоду, тем более что при любых обстоятельствах прислушивался только к своему мнению, но вмешалась Джорджина, и ее слово оказалось решающим.

На балу он даже одно время наслаждался окружающим, пока слушал, как Тони хмыкал, что-то бормотал, присвистывал, втихомолку улюлюкал, провожая каждого петушка, который вертелся около юбки его племянницы Эми, какой-нибудь пренебрежительной колкостью. Он особенно развеселился после того, как Тони сказал:

– Парень, этих я оставляю тебе. Пускай будет по-честному. Мне по гроб жизни хватило мучений с Реджи, особенно когда ее угораздило влюбиться в этого наглеца Идена. Она даже не дала мне с ним подраться как следует. Не стреляться же с ним теперь, когда они уже поженились!

У Джеймса были и другие причины не любить Идена, кроме его женитьбы на Реджи, но это уже другая история. Хитрая девчонка заявила, что она влюбилась в Николаса, ведь он так напоминает ей дорогих ее сердцу Энтони и Джеймса, что, однако, не улучшило их отношения к жениху, так как кто угодно, тем более похожий на них, был совершенно неподходящей парой для Реджи. Ни Джеймсу, ни Энтони не в чем было упрекнуть Ника: он действительно оказался идеальным

мужем. Они не переносили его из принципа!

И вот теперь еще одна их племянница на очереди. Реджи потеряла обоих родителей, когда ей было только два года, поэтому Джеймс и Энтони по-отцовски заботились о ней, принимали деятельное участие в ее воспитании. Разумеется, о младшей дочери Эдварда было кому позаботиться, но у нее были такие угольно-черные волосы и такие кобальтовые глаза Мэлори, что они с Реджи могли бы быть родными сестрами. И это сходство все решило. Оно сразу пробудило в Энтони отцовские инстинкты, хотя он и пытался все отрицать. А Джеймс с таким недовольством рассматривал толпу кавалеров Эми, что даже, кажется, стал иначе относиться к своим прежним мечтам о рождении дочери, такого же бесценного сокровища, как Джудит у Энтони и Рослин.

- Ты не спишь? - лениво поинтересовался Джеймс.

- Ни я, ни ребенок.

Услышав эти слова, он сел на постели и, расставив руки, обнял ее огромный живот, так что следующий толчок пришелся ему прямо в ладонь.

Глаза Джеймса встретились с глазами жены, и они улыбнулись друг другу.

Эта новая жизнь, это движение, загадочные толчки до глубины души волновали Джеймса, неизменно трогали и умиляли его.

- Этот был совсем слабенький, - прошептала Джорджина.

- Ну уж нет, вот увидишь, скоро он уже будет боксировать.

- Он? Я думала, ты хочешь девочку.

Джеймс хмыкнул:

- После сегодняшнего? Пусть о дочерях заботятся Тони и Эдди.

Джорджина улыбнулась, прекрасно понимая, в чем дело:

– Эми сегодня была восхитительна.

Муж опять хмыкнул и пробурчал:

– До сих пор в толк не возьму, как ей удалось обвести меня вокруг пальца. Причем все последнее время она вертелась тут больше, чем дома.

– Ты не мог не заметить, как она была хороша сегодня. Как ее дядя, ты, естественно, не обращал внимания на ее прелестные округлости. Тем более что Шарлотта одевала ее как ребенка, в платья с закрытым воротом, а сегодня в вечернем туалете она была как свежая роза.

Вдруг его зеленые глаза округлились от неожиданной мысли.

– Боже мой! Неужели Джереми, как и ты, заметил раньше всех остальных эту перемену? Неужели он поэтому так рвался ее повсюду сопровождать?

Джорджина весело расхохоталась, попытавшись шлепнуть мужа, правда, живот помешал ей.

– Ради Бога, Джеймс, ты просто невозможен. Вечно ты приписываешь Джереми эти порочные наклонности. Ему ведь только восемнадцать!

Джеймс лихо приподнял одну бровь – обычно это ей не нравилось, но сейчас показалось таким родным.

– Только восемнадцать! Моему сыну! По его привычкам этого не скажешь! Бездельнику можно дать все тридцать!

Она была согласна с тем, что, конечно, раздавшись в плечах и опередив на несколько дюймов своего отца, догнав дядю Энтони, Джереми выглядит старше своих ровесников. Говорить об этом вслух она не стала. Джеймса распирала гордость за своего первенца.

Вместо этого она заговорила о другом:

– Ну хорошо, ты не должен беспокоиться об Эми и Джереми. Я совершенно точно знаю, что они просто подружились, и немудрено: они ровесники.

– Уже через несколько недель ей самой будет восемнадцать.

– Я удивлена, почему Шарлотта не заставила ее подождать эти несколько недель.

– Не сомневаюсь, это штучки Эдди. Он слишком нежен с дочерьми, а напрасно, Эми нуждается в твердой руке.

Джорджина тоже позволила себе слегка приподнять одну бровь.

– Не хочешь ли ты сказать, что намерен пасти и эту племянницу?

– Ну уж нет, черт меня побери, – сухо возразил Джеймс, – разве тебе не известно, я больше по части мальчиков? Я не собираюсь волноваться о младшей дочери Эдди, скоро у меня будет возможность заняться собственным младшим сыном.

Джорджина сильно в этом сомневалась, ведь она слышала, насколько ревниво и серьезно относился он к воспитанию Реджи. Говорят, однажды он, не желая ни с кем делить малютку, выкрал ее и несколько месяцев плывал с ней в дальних морях, еще в бытность свою пиратом. За это братья отлучили его от дома на несколько лет. Реджи была их любимой племянницей, скорее, дочерью, так, может быть, они – Джеймс и Энтони – оставят в покое Эми, у которой и отец, и мать находятся в добром здравии? Эдвард прекрасно управляется и с остальными четырьмя детьми. Хотя вряд ли уймутся эти два головореза, черт их побери. Что-то не очень похоже.

– Теперь, когда ты передумал иметь дочь, что же мы будем с ней делать, если она тем не менее появится?

Джеймс хитро улыбнулся, поцеловал ее в живот и беззаботно ответил:

– Я буду непременно добиваться того, что задумал. Не сомневайся.

Она и не думала сомневаться, и они еще повалялись в постели, пока он добивался, чего хотел на этот раз.

Глава 3

Всего в одном квартале от Беркли-сквер в доме своих родителей Эми Мэлори готовилась ко сну. Глядя в небольшое зеркало и расчесывая свои роскошные волосы, она видела, как мать и старая нянька Агнес убирают ее вечерний туалет, причитая над порванным чулком и запачканными розовыми перчатками.

Эми собиралась попросить у отца собственную служанку: обе ее старшие сестры, Клара и Диана, давно имели прислугу, а затем взяли ее с собой в дом своих мужей. Теперь осталась одна старая Агнес, которая воспитывала Шарлотту, мать Эми, с молодых ногтей. Эми мечтала о такой служанке, которая не ворчала бы непрестанно, не ругала ее за каждую провинность и не была бы такой упрямой. Пора уже наконец... Да что это с ней! В самый восхитительный день своей жизни она раздумывает о таких пустяках!

Положа руку на сердце надо признаться, что в ее жизни уже был такой день, который она не забудет, пока жива! День, который она вспоминала долгие шесть месяцев! День, когда она познакомилась с братьями Джорджины Мэлори.

Тогда она приняла смелое, безрассудное, быть может, даже постыдное решение – выйти замуж за одного из них. За это время она отнюдь не отказалась от своего намерения; она только не могла воплотить в жизнь свой план, поскольку мужчина, овладевший ее сердцем, вернулся в Америку.

Трудно представить себе, что день ее первого выхода в свет, день, которого она ждала с таким нетерпением, подарил ей такую восхитительную новость! На этом балу она стала частью взрослого мира – она так долго этого ждала! Она пользовалась бешеным успехом, но, самое главное, ей удалось подслушать, как тетя Джордж и дядя Джеймс обсуждали, вернее, ссорились из-за предстоящего приезда всех пятерых братьев.

Андерсоны возвращались сейчас в Англию, чтобы присутствовать при рождении первого ребенка Джордж. Узнать такую новость было подарком для девушки. Достойное завершение такого изумительного дня!

Он возвращается!

На этот раз она своего не упустит! Она покорит его, очарует, приворожит, заставит в конце концов обратить на себя внимание. Разумеется, он даже не заметил ее в прошлый раз. Да и с какой стати ему замечать?

Она словно онемела, ничего вокруг не видела, так была потрясена бурей в собственной душе. Скорее всего он даже не помнит ее в лицо. Еще бы! Она была не в ударе.

И ум Эми, и ее душа, и тело давно уже были готовы для взрослой жизни. Это ожидание, которое так серьезно воспринималось ее родителями и родственниками, было для нее самой ужасной мукой: терпение не входило в число ее добродетелей. Она обладала неробким, упрямым характером и совершенно не отличалась застенчивостью и скромностью, как это полагалось девице ее возраста. Эми любила свою семью, по крайней мере настолько, чтобы скрывать от окружающих свой настоящий характер, не желая огорчать родных. Бесстрашное до лихости поведение – удел и привилегия мужчин клана Мэлори. Единственным человеком, от которого она не пряталась, был ее кузен Джереми. Но с ним она по-настоящему дружила, и в притворстве не было нужды.

На этот раз она не собиралась скрываться и от брата тети Джордж. Если судьба столкнет их, она не будет терять время зря, естественно, если снова не лишится дара речи и не превратится в соляной столб в один прекрасный миг. Она отбросит в сторону страх, имея так мало времени. Он приезжает ненадолго, только навестить сестру. Чтобы влюбить его в себя, девушке понадобятся все ее силы, решительность и прямота. Судя по тому, что она о нем знает, ей будет дорога каждая минута.

Эми полностью уверила себя, что он будет ее мужем, и быстро подружилась с тетей Джордж, которая была старше всего четырьмя годами.

Эми стала навещать Джорджину, когда та еще жила с Джеймсом на Пиккадилли, в доме дяди Энтони. Затем, когда они переехали на Беркли-сквер,

она вызвалась помогать обустроить новое семейное гнездышко. Каждый раз в разговоре с Джорджиной Эми всячески поощряла стремление хозяйки рассказывать о братьях, но ухитрялась не задавать прямых вопросов, тщательно скрывая свою заинтересованность. У нее не было ни малейшего желания выслушивать, что мужчина, которого она вознамерилась заполучить, слишком стар для нее. Может быть, тогда, полгода назад, для нее еще не наступила девичья пора, но сейчас все было по-другому.

Джорджина безумно скучала по братьям и была рада поговорить о них. Она рассказывала Эми забавные истории о детстве, о совместных проказах и шалостях, о приключениях и неудачах, о том, как росли и мужали ее братья. Эми узнала, что самому молодому – Бойду – двадцать семь и он серьезен, как настоящий старик. Следующему, Дрю, двадцать восемь. Это самый большой плут и повеса в семье. Томасу – тридцать два, и у него терпение святого. Даже дяде Джеймсу с его языком, как жало змеи, не удавалось вывести его из себя. Уоррену только что исполнилось тридцать шесть. Он высокомерен, циничен, вечно погружен в мрачные раздумья, а с женщинами не церемонится. Главой семьи считается Клинтон. Ему сорок один год. Спокойный и серьезный, он очень похож на Джейсона Мэлори, третьего маркиза Хаверстона, главу клана Мэлори. Когда Джейсон и Клинтон познакомились, оба семейства были потрясены тем, как быстро они сошлись. У них действительно было много общего: ведь им приходилось опекать четырех младших братьев.

Сначала Эми была обескуражена, узнав, что ее выбор пал на самого неподходящего Андерсона; они все были исключительно хороши собой, почему же ее угораздило влюбиться именно в этого? Она только утешала себя тем, что не выбирала его сознательно, все случилось помимо ее воли. Ее смятение, ее чувства безошибочно сказали ей, что перед ней ее судьба. Ни один из других братьев не волновал ее так сильно, да и никто из знакомых. Даже сегодня, в день ее триумфа, когда ее внимания добивались самые блестящие молодые люди, она не испытывала ничего подобного. А что значат такие пугающе сильные чувства, которым невозможно сопротивляться, она знала из рассказов Джорджины и Рослин. Они испытали то же самое, когда впервые увидели своих будущих мужей.

Эми ни в чем не находила утешения, хотя была далека от уныния, особенно после сегодняшнего ошеломляющего успеха. Эми верила в свои силы и удачу, верила, что обязательно добьется своего, если только сможет с ним видаться, а теперь она была в этом убеждена.

– Дай-ка мне щетку, – услышала она голос матери, которая подошла к Эми сзади, чтобы расчесать ей волосы. – Ты, должно быть, совершенно измотана, бедняжка. Мне кажется, ты не пропустила ни одного танца.

До рассвета оставался всего час, но от избытка чувств Эми не ощущала усталости, была не в силах заснуть. Однако девушка не решилась признаться в этом матери, так как ей не терпелось остаться наедине со своими мыслями. Поэтому Эми молча кивнула.

– Я знала, что она всех покорит. – Старушка Агнес стояла около гардероба и кивала своей седой головой. – Знала, что переплюнет твоих старших, Лотта. Слава Богу, они уже замужем. Я всегда тебе это говорила.

Агнес повсюду совала свой нос, Шарлотте при этом тоже частенько доставалось, но она не жаловалась, безропотно снося замечания нянюшки. Агнес давно уже стала членом семьи и имела равные права с остальными домочадцами, живя в доме с незапамятных времен.

Эми глубоко вздохнула: конечно, очень заманчиво мысленно прощаться с Агнес и в мечтах выбирать себе собственную служанку, но незаслуженно обидеть старушку – совсем другое дело. Нет, она на это не способна.

Встретив в зеркале взгляд Эми, Шарлотта слегка нахмурилась на замечание Агнес, но, разумеется, промолчала. У Шарлотты были прекрасные каштановые волосы, не тронутые сединой. Всем своим детям, кроме Эми, она передала также и свои карие глаза. В сорок один год она на редкость хорошо выглядела. Эми, Энтони, Реджи и Джереми получили от своей прапрабабушки черные волосы и редкого кобальтового цвета глаза. Про эту знаменитую бабку ходили упорные слухи, что она была цыганкой, а дядя Джейсон совершенно серьезно однажды уверял Эми, что это чистейшая правда. Она так и не поняла тогда, шутил он или нет.

– Да, что правда, то правда, Эми. Думаю, твои сестры могли бы тебе сегодня позавидовать, особенно Клара.

– Ну что ты, мама, Клара так счастлива со своим Уолтером, она уже успела позабыть те два года, когда она его искала. – Терпение и требовательность старшей сестры получили заслуженную награду: Уолтеру скоро должны были

пожаловать высокий титул. – Чему же ей завидовать, если она вскоре будет герцогиней?

Шарлотта усмехнулась:

– Да, девочка моя, ты совершенно права.

– Хотя я сама этого и не видела, – начала Эми, все еще негодуя, что ее заставили ждать, когда ей почти сравняется восемнадцать, а Диане разрешили выезжать в семнадцать с половиной, – но слышала, что Диана тоже имела большой успех, просто она влюбилась в первого, кто явился к ней на следующий день с визитом.

– И здесь ты права, – вздохнула Шарлотта. – Я чуть не забыла, что завтра начнут обивать пороги нашего дома, вернее, уже сегодня. Ты обязательно должна выспаться, моя дорогая, иначе тебе этого не выдержать.

– Ничего, мама, я не упущу ни одной минуты из того, что мне положено. Я с удовольствием все выдержу, лишь бы дождаться мужчины, которого я захочу в мужа. Мужчины, который попытается меня завоевать.

– Эми, какие вульгарные слова! Ты выражаешься, как Джереми.

– Адские колокола, мэм! – Эми совершенно точно скопировала своего двоюродного брата.

– Довольно, – засмеялась Шарлотта. – Пожалуйста, помолчи, как бы не услышал твой отец. Вряд ли ему понравится, как ты передразниваешь кузена, и он поговорит с Джеймсом, а ты отлично знаешь, как твой дядя относится к самым лучшим советам. Клянусь, мне до сих пор трудно поверить, что Джеймс и Эдвард братья – они такие разные.

– Папа не похож ни на кого из своих братьев, но я его таким и люблю.

– Еще бы ты его не любила! Ты вьешь из него веревки!

– А вот и нет, иначе я бы не ждала так долго!

Мать обняла Эми и крепко поцеловала со словами:

– Это из-за меня, дорогая. Вы так быстро выросли. Надеюсь, ты не будешь обижаться: мне хотелось побыть с тобой подольше, ты у меня последняя. После сегодняшнего бала я не сомневаюсь, что тебя «завоюют» очень быстро. Я мечтаю видеть тебя счастливой, но только не так быстро, не так быстро. Боюсь, я буду скучать по тебе больше, чем по всем остальным. А теперь, пожалуйста, попробуй уснуть.

Неожиданное признание матери застало девушку врасплох. Она не сразу поняла, что слезы не дали Шарлотте договорить. Именно поэтому мать так быстро удалилась, уведя за собой Агнес. Оставшись одна, Эми вздохнула от обуревавших ее двойственных чувств: надежды и страха, что материнские слова окажутся пророческими. Шарлотте придется скучать по дочери, – если девушка добьется своего, то она отправится за океан, чтобы быть с мужчиной своей мечты.

До этой минуты Эми не задумывалась, что ей предстоит такой выбор. Пропавши все пропадом! Может, подыскать все-таки кого-нибудь дома, в Англии?

Глава 4

– Почему ты назвал ее Джудит? – осведомился Джеймс у брата, говоря о своей самой младшей племяннице. – Почему бы не выбрать что-нибудь более мелодичное, Жаклин, например?

Они оба находились в детской; надо сказать, что Энтони, если он был дома, все время там пропадал. А сегодня его вообще оставили с Джудит, так как ее мать Рослин уехала навестить свою подругу леди Фрэнсис. Начал Энтони свое дежурство с того, что выгнал из детской Нэтти, старую шотландскую каргу, которая, приехав с Рослин как неотъемлемая часть ее приданого, стала и нянькой Джудит. Вздорная старуха вышла из комнаты, только когда довела Энтони до белого каления и тот уже начал угрожать ей физической расправой. Энтони всегда повторял, что надо держать прислугу и домашних в узде, иначе все они усядутся тебе на голову. Джеймс, однако, подозревал, что Рослин ездила на его брате и без всякой узды.

– Ах вот как! Для чего это? Чтобы ты мог называть ее Джеком? Нет уж, у тебя вот-вот будет собственная дочь, так лучше я подожду и сам буду называть ее Джеком.

– Чтобы доставить тебе удовольствие, сразу назову ее Джеком, обойдемся вообще без Жаклин.

Энтони хмыкнул:

– Вряд ли Джордж это одобрит.

Джеймс глубоко вздохнул, соглашаясь.

Энтони настаивал:

– У тебя еще есть шурины, которые тем более не одобряют.

– Тогда...

– Назовешь или нет?

– Ты знаешь, что я на все пойду, лишь бы вывести из себя этих напыщенных нахалов.

Энтони засмеялся, забыв, что у него на руках ребенок. Джудит замахала ручонками и загукала. Тони растрогался, поцеловал крошечные пальчики и снова взглянул на Джеймса.

Два брата отличались друг от друга, как день и ночь. Энтони был выше и стройнее, у него были черные волосы и синие глаза, доставшиеся ему от прапрабабушки. А Джеймс, как и его старшие братья, был тяжеловесным блондином, а глаза его имели медово-зеленый цвет. У Джудит, по всей видимости, глаза будут такие же кобальтовые, как у Энтони, а Рослин передала ей свои роскошные волосы цвета червонного золота.

– Как ты думаешь, сколько на этот раз пробудут янки? – спросил Энтони.

- Сколько бы ни пробыли – все будет слишком долго, – был ответ раздраженного Джеймса.

- Ну конечно, не больше двух недель.

- Пока человек жив, он надеется.

Энтони теперь мог еще долго издеваться над Джеймсом по поводу приезда его родственников – если бы он этого не сделал, Джеймс решил бы, что его брат просто заболел, поскольку подобная пикировка была их любимым времяпрепровождением; нередко словесные перепалки переходили в драки не только на словах. Однако настоящую опасность они всегда встречали плечом к плечу. А пока янки еще не приехали, можно было вволю препираться с братом, поэтому Энтони, ухмыляясь, продолжал свое благое дело:

- Думаю, они захотят на сей раз остановиться у тебя, раз вы обзавелись собственным домом.

- Прикуси язык. Омерзительно само по себе уже то, что мне придется открыть им дверь. Черт меня возьми совсем, я проломлю несколько черепов, если буду их все время видеть в своем собственном доме. Боюсь, не смогу сдержаться.

- Да полно тебе. Они не настолько уж плохи. Даже я поладил с некоторыми из них. Признайся, что и ты тоже. Джейсон в прекрасных отношениях с Клинтоном, а Джереми и Дерек отлично провели время с младшими.

Джеймс приподнял одну бровь в своей излюбленной манере, что не предвещало Энтони ничего хорошего.

- А разве кому-нибудь удалось поладить с Уорреном?

- Пожалуй, нет.

- Вот уж чему никогда не бывать!

На этом бы все и закончилось, если бы Энтони был способен понимать намеки.

- Они же исполнили твою мечту - женили тебя на своей сестре, даже настаивали на вашем браке. Когда ты простишь им эту взбучку, которой они тебя удостоили?

- При чем тут взбучка? Самое отвратительное, что Уоррен втянул в это дело команду и мог бы повесить многих, если бы ему удалось.

- Обычное отношение к кровожадным пиратам, - заявил Энтони с издевкой.

Джеймс уже было замахнулся, но вовремя вспомнил, что у брата на руках ребенок и с мезтью придется подождать. Заметив его жест и разочарование в глазах, Энтони еще шире улыбнулся и дал понять, что не собирается прекращать этот разговор, столь его забавляющий:

- Я слышал, что надо благодарить Джордж и двух младших Андерсонов, что тебя не повесили.

- Пора нам с тобой посетить Найтон-Холл, - отозвался Джеймс со значением. - Неплохо бы размяться.

Энтони захохотал:

- Что, крови жаждешь? Даже и не надейся. Мне хватает партнеров из Найтона.

- Старина, но это же не приносит настоящего удовлетворения.

- Зато моей жене нравится моя физиономия именно такой, какая есть; вряд ли Джордж придет в восторг, если твои кулачищи передвинут мой нос на другое место. Кроме того, не хочу, чтобы твой запал прошел, пока ты дождешься янки. Не худо бы полюбоваться на этот спектакль.

- Я тебя не приглашаю, - проворчал Джеймс.

- Ничего, в дом меня пустит Джордж, она меня любит.

- Она тебя терпит, потому что ты мой брат.

Энтони поднял бровь:

- Тогда тебе надо потерпеть ее братьев.

- Я и терплю. Они же живы!

Спустя некоторое время Джеймс вернулся домой, и дверь ему открыла Эми. Он не видел ее с того самого бала на прошлой неделе. Ох уж эти проклятые балы! Хорошо, что ему не обязательно присутствовать на всех.

Джорджина упоминала, правда, что Эми навещала ее день-два назад. Как только он постучал, племянница открыла, как будто ждала его за дверью. Это было так неожиданно, что он сразу разволновался. Если бы Джеймс был другим человеком, то наверняка подпрыгнул бы на месте, но он вместо приветствия спросил:

- А где Генри? Или сегодня Арчи на вахте? Что-то я не заметил, когда уходил.

Генри и Арчи были из его последней команды. Они столько плавали вместе, что когда Джеймс решил продать свою «Мейден Энн», они захотели продолжить службу у него в доме, вместо того чтобы наниматься на незнакомое судно. Наверное, во всем Лондоне не было другой такой пары дворецких, настолько неподходящих для этого занятия. Они прекрасно справлялись, хотя своими грубыми манерами часто отпугивали гостей.

- Да, сегодня дежурит Арчи, - ответила Эми, закрывая дверь, - но он отправился за доктором.

Девушка увидела, как при этих словах Джеймс вздрогнул и бросился к лестнице. Тогда она быстро проговорила вдогонку:

- Джордж в гостиной.

Он резко остановился.

- В гостиной?

– Да, пьет чай.

– Чай? – взорвался Джеймс и остановился на пороге гостиной, глядя на свою жену. – Боже милостивый, Джордж, что ты тут делаешь? Ты же давно должна находиться в постели!

– Я не хочу в постель, я хочу чаю, – донесся до Эми спокойный голос Джордж.

Джеймс, казалось, был озадачен.

– Ты, никак, передумала? Уже не ждешь ребенка?

– Нет, не передумала, но я не передумаю и пить чай, а ты не хочешь присоединиться?

Джеймс помолчал, затем вошел в гостиную.

– Но, Джордж, так не делают. Ты должна лечь в постель.

– Джеймс, оставь меня в покое, – услышала опять Эми, – скоро я туда и так попаду и уже больше не смогу головы поднять. Но ты отнесешь меня туда, когда я тебе скажу.

Потом неожиданно воцарилась тишина. Эми засомневалась, можно ли ей войти: раньше она никогда не видела Джеймса таким. Все-таки она осмелилась подойти к двери и увидела, что у Джордж схватки, а у Джеймса от страха подкосились ноги. Бывший пират был бледен как полотно.

– Когда это началось? – спросил он сдавленным голосом, когда у Джордж восстановилось дыхание.

– Утром.

– Утром?

– Если ты спрашиваешь меня, почему я тебе не сказала, когда ты уходил из дому, то посмотри на себя в зеркало и узнаешь. Оставь меня, дай мне допить чай, Эми его только что налила.

– Эми! – Гнев его обрушился на племянницу. – Да что она здесь делает?

– Не смей свое беспокойство выплескивать на бедную Эми. – Джорджина шлепнула его по плечу. – Я хотела, если тебя это интересует, заняться уборкой в доме, но она убедила меня попить чаю вместо этого. Если ты не хочешь к нам присоединиться, то выпей чего-нибудь и прекрати кричать на нас.

Джеймс отпустил ее, погладив по волосам. Джорджина воспользовалась этим и вернулась к своему чаю с таким видом, как будто это и не она должна была вот-вот родить ребенка.

Через минуту Джеймс сказал, ни к кому не обращаясь:

– Мне так стыдно. Меня не было, когда родился Джереми. И вообще я предпочел бы, чтобы дети выскакивали быстро, а главное, в сознательном возрасте и сразу говорили мне «сэр». Пожалуй, меня бы это больше устроило.

Эми стало жалко Джеймса, которому пришлось что-то еще объяснить, и она быстро проговорила:

– Я бы с удовольствием помогала Джордж и дальше, но уверена, что потом меня обязательно упрекнут в неприличном поведении, поэтому я послала за матерью, тетей Рослин и Реджи. Они все устроят как надо.

А Джорджина добавила с расстановкой:

– Джеймс, это только начало, поверь мне, самое трудное еще впереди. Выпей чего-нибудь. Не лучше ли тебе уехать? Может, съездишь в клуб? А я пришлю тебе записку.

– Да, дорогая, разумеется, ты пошлешь записку, и, разумеется, мне было бы лучше в клубе, но я останусь здесь, с тобой. Вдруг я тебе понадобится.

Эми предвидела его слова. Джорджина, конечно, тоже. Она с улыбкой наклонилась, чтобы поцеловать мужа. Тут раздался стук в дверь.

– Уж протрубили общий сбор, войска уже подходят, – сказала Эми.

– Наконец-то, – вздохнул Джеймс с облегчением, – Шарлотта уложит тебя в постель, вот увидишь, Джордж.

– Шарлотта – закаленный боец: у нее два сына и три дочери. Она-то меня прекрасно поймет. И должна тебя предупредить, что, если ты не перестанешь говорить о постели, я тебе рожу прямо здесь, в гостиной, вот увидишь, дорогой.

Эми пошла открывать дверь, с улыбкой вспоминая слова Джордж о том, что Джеймс неплохо переносил ее беременность.

Кто бы мог подумать, что он так сломается! Ей надо было послать и за Энтони, хотя он и без того приедет вместе с Рослин. Когда Рослин рожала, на Энтони как столбняк нашел. Теперь ему неплохо было бы посмотреть, как справляется его брат. Но, открыв дверь, она увидела не членов своей семьи, а пятерых братьев Андерсон. Может, это кого-то и удивило бы, но, пожалуй, для нее здесь не было ничего странного.

Глава 5

– Привет! – раздался голос Дрю Андерсона. В дверь постучал именно Дрю, а сейчас он стоял и обворожительно улыбался Эми. – Вас зовут Эми, не правда ли? О нет, прошу прощения, леди Эми, ведь ваш отец – граф или кто-то в этом роде. Дерек рассказывал, что покойный король наградил вашего батюшку титулом за какую-то услугу. Я не ошибся?

Эми, польщенная, что ее узнали, выпалила:

– Папа дал королю совет. Он прекрасно разбирается в финансовых вопросах. – Кстати, девушка догадывалась, что унаследовала отцовские способности, поэтому никогда не держала пари против родственников и друзей, поскольку,

полагаясь на свою интуицию, никогда не проигрывала.

– Вот если бы нам так повезло! – продолжал Дрю, не отрывая от Эми своих черных как угли глаз, а затем сказал: – Вы уже совершенно взрослая и хорошенькая, как картинка.

Его комплименты не смутили ее, не бросили в краску, как это случилось бы с любой другой ее сверстницей. У этого брата Джорджины по девушке в каждом порту, как говорила его собственная сестра, и его нельзя принимать всерьез. Но то, что Эми сейчас оказалась в центре внимания, не входило в ее планы. Не так представляла она себе первую встречу со своим избранником! Девушка сразу отыскала его глазами и не обнаружила в них ничего, кроме нетерпения, которое немедленно выплеснулось наружу:

– Ради Бога, Дрю, ты же не один, в конце концов! Любезничай сколько хочешь, но пусть нас впустят в дом!

– И то дело, Дрю, – поддержал брата Бойд, добавив весьма серьезным тоном: – Я бы хотел скорее увидеть Джорджи.

Впрочем, не так-то легко было смутить Дрю, ничуть не раскисавшегося, зато Эми вспыхнула от смущения, вспомнив о цели их приезда и что она мешает им пройти. Однако самым неудачным было то, что, судя по его взгляду, теперь он уже сердился не на собственного брата, а на нее. Это было несправедливо, и она решила не вдаваться в подробности о том, что скоро их сестра будет вынуждена отлучиться ненадолго для весьма важного дела.

Собравшись с силами, Эми с достоинством сказала:

– Прошу покорно в дом, господа. Добро пожаловать!

«По крайней мере кое-кто здесь безумно рад вас видеть», – добавила она мысленно.

И они прошли мимо нее в дом. Боже, какие они все огромные! Двое – чуть ниже, а трое – выше шести футов на добрых четыре дюйма! У двоих волосы в точности как у Джорджины, такого же темно-каштанового цвета, у остальных гораздо

светлее, золотистого оттенка. Глаза у двоих – темно-карие, у двоих напоминают по цвету только что сорванные незрелые лимоны. Правда, у Дрю глаза такие темные, что кажутся черными. И все пятеро настолько красивы, что ни одной девушке не устоять, а все силы юных бедняжек уйдут на сохранение внешнего спокойствия.

Как только братья ступили в холл, Дрю закричал зычным капитанским голосом:

– Джорджи, голубка, где же ты?

В ответ они услышали сдержанное рычание Джеймса и бодрый голос Джорджины:

– Дрю, я здесь. – И вполголоса: – Джеймс, веди себя прилично.

Андерсоны без промедления устремились на голос сестры в гостиную, совершенно забыв об Эми и обо всем остальном. Но девушка была даже этому рада и тихонько проскользнула следом. В гостиной она забралась в кресло, с которого могла незаметно наблюдать за происходящим: за смехом, объятиями, поцелуями, которыми обменивались Андерсоны.

Джеймс также отошел в сторону, к камину, и стоял там, сложив руки на груди. На его помрачневшем лице была написана решимость не огорчать жену. Братья не подошли поприветствовать его, нарочитая угрюмость зятя их отпугнула.

Эми пристально наблюдала за Джорджиной: было очевидно, что схватки следовали одна за другой, но будущая мать не показывала виду, разве что легкая тень пробежала по лицу или повисала пауза в разговоре. Джеймс, слава Богу, ничего не замечал, иначе все уже полетело бы в тартарары.

Братья тоже, к счастью, ничего не замечали, чему Джорджина была несказанно рада: она слишком по ним соскучилась, чтобы тут же расстаться.

Разумеется, Эми не могла не наблюдать и за братьями. Она уже знала, что они не часто собираются вот так вместе, да еще у Джорджины. Все они уже были капитанами собственных судов, кроме Бойда, который пока годами не вышел. Они добродушно посмеивались над неуклюжестью сестры и над тем, какой

англичанкой она теперь стала, а та в ответ упрекала Уоррена и Бойда, что со времени их последней встречи они так ни разу и не стриглись. Хотя братья не говорили нежных слов, их любовь к сестре со стороны заметил бы любой.

Дважды Джеймс пытался обратить на себя внимание жены, окликая ее по имени и вкладывая в это все свое беспокойство. Она каждый раз обрывала его энергичным кивком головы, давая понять, что еще не время.

Только Томас, похоже, почувствовал что-то неладное по поведению Джеймса, а остальные просто не замечали супруга Джорджины. Тут снова раздался стук в дверь. «Наконец-то этот кошмар закончится!» – явное облегчение было написано на лице Джеймса.

Джорджина, напротив, перехватив взгляд Эми, сказала ей:

– Я еще не готова. Эми, будь добра, пожалуйста...

Эти загадочные слова мгновенно привлекли внимание Андерсонов, а чуткий Томас сразу спросил сестру:

– Не готова к чему, Джорджи?

Джорджина ловко уклонилась от ответа, заговорив о чем-то другом. Эми, однако, и так прекрасно поняла просьбу Джорджины и ободряюще улыбнулась, давая понять, что сделает все от нее зависящее.

Братья внимательно посмотрели ей вслед, все, кроме того единственного, чей взгляд ее по-настоящему волновал.

Оказалось, это пришла Рослин, а так как Энтони был в тот момент дома, он, естественно, пришел с ней вместе. Зная характер Энтони, Эми была уверена, что совершенно бессмысленно просить его пойти навстречу желаниям Джорджины.

Все-таки для очистки совести она прошептала:

– Братья тети Джордж приехали, но она просит вас не говорить пока вслух о том, что роды уже начались.

Услышав эту просьбу, Рослин коротко кивнула, а Энтони только ухмыльнулся, и было ясно, что Энтони Мэлори не будет молчать ни за что на свете, если у него есть что сказать, чтобы ошеломить присутствующих, а затем потирать в сторонке руки, наслаждаясь произведенным фурором. Эми со вздохом провела их в гостиную, ведь не могла же она выгнать из дома собственного дядю! Она и так соблюла все предосторожности. Вернувшись в комнату, она знаком предупредила Джорджину, что с Энтони невозможно договориться. Но за время, проведенное ею в Лондоне, Джорджина успела изучить повадки Мэлори, поэтому она совсем не удивилась, что первыми словами Энтони были:

– Итак, дорогая, ты хочешь завести новую моду? Рожать детей в гостиной в присутствии всей семьи?

Джорджина бросила испепеляющий взгляд на своего невозможного деверя и проговорила сквозь зубы:

– Негодяй, я совершенно не собираюсь так поступать. – Она попробовала было что-то объяснить, свести все к неудачной шутке, но Томас первый все понял, ему хватило этого замечания, и он сказал Джорджине с мягким укором:

– Почему ты нам ничего не сказала, Джорджи?

– Что тут происходит? – спросил Уоррен, ни к кому не обращаясь.

– Ничего, – продолжала настаивать Джорджина.

Но ее брат Томас еще несноснее Энтони, поэтому он совершенно спокойно и громогласно заявил:

– Она рожает, и рожает прямо сейчас. Почему ты все-таки не в постели? – обратился Томас к сестре.

– Боже всемогущий! Первые разумные слова, которые я слышу от Андерсонов, – выдохнул Джеймс.

Тут Андерсоны вскочили все разом, заговорили, стали упрекать Джорджину, а Энтони наслаждался наступившей суматохой.

Джорджина, в свою очередь, воскликнула:

– Пусть все оставят меня в покое! Я прекрасно знаю, что и когда мне следует делать. Уоррен, поставь меня на место сейчас же!

Но Уоррен, который поднял сестру с софы, уже нес ее к двери. Он и не думал принимать в расчет ее прихоти. Он даже не отвечал ей, и Джорджина поняла, что никакие ее просьбы не помогут.

Джеймс немедленно отправился за ними, а Эми, зная, как он относится именно к этому Андерсону, предположила, что они начнут выяснение отношений прямо на лестнице, поэтому вскочила с кресла, на котором сидела, и решила перехватить дядю.

– Какая, в сущности, разница, как она попадет в спальню... если она туда попадет? – тихо произнесла Эми.

Джеймс, едва взглянув на нее, процедил сквозь зубы:

– Я не собирался останавливать его, милочка, просто это тот единственный брат, на которого я не могу положиться. Он способен снять ремень и наказать ее за своеволие.

Эми замолчала. Ей было неприятно это слышать. Господи, зачем он только это сказал? Неужели это может быть правдой? Пожалуй, его слова объясняются скорее ненавистью к Уоррену. Почему, ну почему она выбрала именно этого брата! Какая глупость! Вот Дрю, например, сразу заметил, что она уже совершенно взрослая, да к тому же очень хорошенькая. Уж она как-нибудь разобралась бы с его девушками в каждом порту. Но Уоррен! Ведь он женщин ни во что не ставит!

Джеймс помедлил на верхней площадке лестницы, в дверях собственной спальни, которую Уоррен, кстати, безошибочно нашел без всякой помощи сестры. Хозяин дома почти с сожалением наблюдал, с какой любовью и нежностью Уоррен хлопочет над Джорджиной, поправляя ей подушки и простыни. Ему было бы проще разделаться с этим негодяем, как он того заслуживает, если бы не любовь к сестре. Он услышал, как Уоррен мягко говорит

ей:

- Джорджи, ты вовсе не должна развлекать нас или кого бы то ни было.

Джорджина, однако, не смягчилась:

- Упрямы вы эдакие, вам и в голову не приходит, что мне предстоят еще долгие часы наедине с болью и что на дворе, к вашему сведению, жаркое лето, а я не хочу все это время провести в страданиях в душной комнате.

Уоррен, надо отдать ему должное, даже покачнулся от того, что предстало перед его внутренним взором и какое ей предстоит испытание.

- Если с тобой что-нибудь случится, я убью его!

Джорджина очень серьезно отнеслась к словам брата, так же как она всегда ужасалась, слушая угрозы своего мужа в адрес Уоррена, но не дрогнула:

- Разумеется, это именно то, что мне так необходимо было услышать. Ты очень мне помог, а теперь отправляйся на «Нереус» и оставайся там, пока я не пришлю тебе записку, что все закончилось.

- Ну нет, только не это, - был упрямый ответ.

- А я настаиваю, чтобы ты отправился на корабль. Я не доверяю ни тебе, ни Джеймсу. Вы будете находиться в одном доме, а меня уже не будет рядом, чтобы вас разнять.

- Я остаюсь.

- Оставайся, - сказала она, теряя терпение, - но тогда обещай мне, что вы не станете грызть друг друга. Дай мне слово. Я не могу переживать еще и из-за вас.

- Хорошо, - вымолвил он неохотно.

– Учти, это значит, ты будешь более спокойно относиться ко всем словам Джеймса, чем ты обычно это делаешь. Подумай о том, как ему сегодня трудно, он сам не свой от беспокойства.

– Я уже дал слово. Не беспокойся о нас. Я буду паинькой.

Услышав эти слова, она тотчас улыбнулась. Он кивнул ей и направился к двери. Только тут он заметил Джеймса. Джеймс со своей стороны раздумывал о том, какие возможности откроются перед ним теперь, когда его враг связал себя словом. Одновременно с этой к нему пришла другая мысль, что, по иронии судьбы, именно сейчас его это нисколько не волнует. Чертовское невезение! Пробил тот единственный час, когда можно было бы получить удовольствие от общения со своим родственничком, но он даже не в состоянии заметить Уоррена. Сейчас, например, до чего приятно было бы вставить ему пару-тройку шпилек, но и этого нельзя себе позволить, ведь в нескольких шагах лежит под одеялом Джорджина и напряженно прислушивается. Сам себе удивляясь, он проговорил:

– Никогда не думал, что когда-нибудь буду тебе признателен, Андерсон, но сейчас благодарю – она совершенно меня не слушалась.

Уоррен был до крайности удивлен тем, что услышал от Джеймса только это, и потому ответил достаточно мягко:

– Надо было настоять.

– Вот этим мы и отличаемся, старина. Я боюсь спорить с беременными. Если б моя жена на сносях попросила разобрать этот дом на части, я с удовольствием сделал бы это для нее голыми руками.

– Снисходительность не всегда во благо, – с неудовольствием ответил Уоррен.

– Говори только за себя, янки, я нахожу, что снисходительность иногда на руку, – с двусмысленной улыбкой отозвался Джеймс.

Уоррен слегка покраснел от негодования: Джеймс не без умысла притворился непонимающим.

- Ведь это же для ее пользы.

- Довольно, дай мне побыть с женой, пока еще это возможно. Ты понимаешь, что так или иначе она не оставалась бы внизу долго. Хочешь ты того или нет, тебе придется признать, что я забочусь о жене и исполняю каждое ее желание.

Помня о своем обещании, Уоррен ничего не ответил и молча вышел из комнаты. Джеймс, однако, глядя на жену, не наслаждался победой, а пытался определить, насколько она с ним счастлива. Тем не менее он лихо изогнул бровь и с невинным видом спросил:

- А что?

- Ты мог бы быть повежливее.

- Ты прекрасно знаешь, что я платил ему той же монетой. Лучше скажи мне, что я могу сделать для тебя, перед тем как Шарлотта явится и выгонит меня вон?

- Ты можешь лечь рядом со мной и принять участие, - сказала она все еще раздраженно, но затем быстро добавила совсем другим тоном: - Обними меня, Джеймс, мне становится страшно.

Он немедленно лег под одеяло, твердо решив скрыть от нее свой страх.

- Знаешь, ведь в этом нет ничего страшного.

- Тебе легко говорить, - хмыкнула она.

- Вспомни свою мать, у нее было шестеро, и, насколько я знаю, все прошло прекрасно, при этом пять первых были, должно быть, великанами среди новорожденных, если учесть их сегодняшней рост и вид.

- Не смей меня, Джеймс.

- Этого я и добивался.

- Знаю, но сейчас у меня как раз схватки.

- О Джордж!

- Ш-ш-ш, все нормально. Это пока еще не то, что ты думаешь, и ты прав, у меня отличные корни. - Она глубоко вздохнула и сменила тон: - Вот что претерпевает наша сестра, расплачиваясь за удовольствия. Посмотрела бы я на мужчин, что бы они стали делать, если бы им пришлось платить, как нам.

- Прикуси язык, Джордж, неужели ты хочешь, чтобы человечество исчезло с лица земли?

Она усмехнулась:

- Ну, не знаю. Я думаю, что ты бы смог, а больше в твоей семье никто, в моей, пожалуй, тоже, хотя Дрю способен смеяться, когда его бьют, он терпеливо переносит боль. Конечно, получается, вас только двое, а семей ведь так много. Ты прав, человечеству пришел бы конец, если бы мы вам это доверили.

- Тебе совсем не обязательно быть такой самодовольной.

- Если вдуматься, то мы, женщины, в самый ответственный момент остаемся в одиночестве, уповая на волю Божию. В конце концов, ты не можешь отрицать, что ответственность должны нести не мы...

- Дорогая, теперь тебе легче?

- Да. - И Джордж улыбнулась.

Глава 6

Уоррен Андерсон беспокойно мерил шагами гостиную, время от времени поглядывая на каминные часы. Было уже четыре утра. Если это не кончится в ближайшем будущем, то он за себя не ручается. Хотя он не в силах помочь

сестре. Можно было бы расквасить физиономию Мэлори, но это проклятое обещание связало его по рукам и ногам. Да и что толку бить человека, который даже этого не замечает. Казалось, Джеймсу было еще хуже, чем ему самому, так осунулось и побледнело лицо зятя.

Слава Богу, его не было дома, когда жена Клинтона рожала своих сыновей. Оба раза он был в рейсе, в Китае. Каждый такой рейс продолжался от двух до четырех лет. Дело выгодное, но пароходство Андерсонов этим больше не занималось. «Скайларку» дорога в Кантон была закрыта. Могущественный властитель Чан Ятсен поклялся ни одного из Андерсонов не выпустить из Китая живым. Тогда в Кантоне он действительно попытался сделать все, чтобы догнать и убить и Клинтона, и Уоррена: он послал за ними своих самых ловких наемников, приказав принести головы Андерсонов и вернуть бесценную вазу, которую выиграл Уоррен в ту злополучную ночь.

Если бы Уоррен не был так пьян тогда, ему бы никогда не пришло в голову поставить свой корабль против семейной реликвии Чана. Но он был пьян, и он выиграл вазу! И раз он ее выиграл, то не собирался отказываться от своей удачи.

Клинтон был того же мнения. Ему даже ваза нравилась больше. Но хотя Уоррен овладел вазой в честной игре, торговые дела с Китаем пришлось прикрыть. На Востоке нельзя безнаказанно разозлить такого могущественного человека, каким был Чан в своих владениях, и выйти сухим из воды. Чан, конечно, захватил бы их тогда в доках, но выручила команда.

Уоррен не жалел о том, что пришлось отказаться от торговли с Китаем, поскольку рейсы были уж очень долгими. Кто знает, бывай он почаще дома, Джорджина не отправилась бы искать своего пропавшего жениха в Англию и не повстречала бы Джеймса Мэлори.

Воспоминания о смертельном враге, которого он оставил на другом конце земли, ненадолго отвлекли его. Четыре часа утра. Боже, этому нет конца! Кто-то, вероятно, эта девочка по имени Эми, говорил, что схватки начались утром, около десяти часов. Джорджина ни словом не обмолвилась о них мужу, и он спокойно ушел из дому. Она не хотела его волновать, поэтому он узнал обо всем лишь по возвращении, почти одновременно с гостями. Она страдает уже восемнадцать часов. Неужели это может длиться так долго? Трудно верить доктору, что все идет своим чередом.

Уоррен продолжал ходить по комнате. Джеймс Мэлори тоже продолжал ходить, но в противоположном направлении. Встречаясь на середине пути, они одновременно делали шаг в сторону, затем шли дальше, не замечая друг друга. Дрю ходил в холле, так как с Уорреном ему было тесно в одной комнате. Клинтон сидел, непрерывно барабанил пальцами то по коленям, то по столу, то по краям своего стула. Его тоже не оказалось дома при появлении на свет первенца, так что это был его первый опыт, но он держался неплохо. Самым спокойным выглядел Томас, а лучше всех себя чувствовал Бойд. Он был мертвецки пьян и спал на тахте. Непривычный к выпивке, Бойд от волнения опустошил целую бутылку виски, чего никогда не делал. Уоррен завидовал младшему брату, но, наливая себе, тут же про это забывал и снова принимался метаться из угла в угол.

Томас расхаживал по верхней площадке около спальни. Он первым узнает, когда наступит конец этому аду. Уоррен пробовал бродить наверху, но когда раздался первый же стон Джорджины, лоб его покрылся испариной, ноги задрожали, и Томас выдворил его вниз.

С тех пор прошло пять часов. И во всем виноват Джеймс Мэлори! Уоррен шагнул было к мужу Джорджины, но тут же заметил насмешливый взгляд, искоса брошенный на него Энтони. Чертово обещание! Черт бы побрал его совсем! Всю ночь Энтони переходил со стула на удобную кушетку у стены напротив камина и, казалось, глаз ни с кого не спускал. Держа в руке бокал бренди, он только время от времени нюхал напиток или старался вручить его Джеймсу. Но тот с самого начала отказался и до сих пор не изменил своего решения. Энтони пытался вовлечь брата в разговор, подтрунивал над ним, насмехался, но все было напрасно.

Джеймс ничего этого не слышал, только изредка бормотал:

– Проклятие... Больше не прикаснусь к ней... Боже, спаси и сохрани... Энтони, прикончи меня!

Уоррен бы, к примеру, с удовольствием этим занялся, но Энтони только засмеялся и сказал:

– Старина, я чувствовал себя точно так же, но ты забудешь все это, да и она тоже. Не сомневайся.

После того как Уоррен отнес Джорджину наверх, в дом приехали еще Мэлори – Эдвард с женой Шарлоттой, которая тут же поднялась наверх и больше не показывалась. Другая племянница, Реджина Иден, тоже сразу поднялась, но время от времени показывалась, уверяя дядюшку, что все идет хорошо и Джордж отлично справляется. Последний раз, спустившись, она даже поддразнила Джеймса, утверждая, что вряд ли тот захочет услышать мнение о себе жены в данный момент. Эдвард сначала играл с дочерью в карты, затем принялся раскладывать пасьянс, не обращая внимания на напряженную атмосферу, царившую в комнате. Не один раз он попадал в такую переделку, и его невозмутимость действовала на всех успокаивающе. Его дочь Эми, уютно свернувшись в кресле, дремала. Она проследила за тем, чтобы им подали закуски, но почти никто из гостей не притронулся к еде. Хорошенькая девушка эта Эми. Нет, она просто красавица. Каждый раз, когда Уоррен смотрел в ее сторону, она опускала глаза, как будто боясь встретиться с ним взглядом. Одно плохо: она Мэлори. Какого черта к нему приходят такие мысли? Она слишком молода для него. Скорее она подходит Дрю, да и Дрю ей подходит. Только как он до нее доберется? Через головы дядюшек?

Четверть пятого. Уоррен очень любит детей, но вряд ли когда-нибудь согласится пройти через этот ад снова. Впрочем, он не собирается жениться, так что у него вряд ли будут свои собственные. Женщины – самые недостойные существа на земле. Им нельзя доверять, им нельзя верить, в природе не существует более корыстных созданий. Если бы ему иногда не требовалось утолить некоторые острые желания, в жизни бы ни к одной не подошел. Его сестра была единственным счастливым исключением, единственной женщиной, которая заслуживала заботы и любви. Если с ней что-нибудь случится...

Здесь находился еще один Мэлори. Это был сын Джеймса Джереми. Он заходил поздно вечером и пришел в необычайное волнение, услышав о последних событиях. Он еще очень молод и не знает, что пока рано радоваться. Однако одного взгляда на отца ему хватило, чтобы мгновенно опомниться и уехать, пообещав прислать Конни. Больше его не видели: гостиная оказалась слишком мрачным для него местом. Уоррен не удивился, услышав имя Конни. Имя это принадлежало мужчине, и, судя по тому, что он слышал, это был лучший друг Джеймса, такой же бывший пират. Уоррен уже виделся с ним однажды, в доме Энтони, когда шурин и зять забыли ради Джорджины свою вражду. «Ненадолго, черт меня побери», – как сказал бы его зять.

Уже половина пятого. Тут в комнату вошла Реджина, Дрю и Томас следовали за ней по пятам. Она спешила поделиться новостью с дядей, ничего не сообщая пока никому другому. Но улыбка говорила сама за себя. Все их молитвы были услышаны Всевышним; присутствующие сразу оживились, заулыбались, задвигались и зашумели. От этого радостного гула проснулась Эми, даже Бойд очнулся от своего забытья. Но Джеймсу мало было улыбки, он жаждал слов.

Реджина, прекрасно понимая его состояние, подошла к дядюшке, положила руки ему на плечи и объявила:

– У тебя дочь, и они обе, и мать, и дитя, прекрасно себя чувствуют.

Не помня себя от счастья, Джеймс стиснул племянницу в объятиях так, что она вскрикнула с гримасой боли.

Он сразу выпустил ее и со смехом обернулся, ища глазами Энтони:

– Ну, где этот чертов бокал?

Энтони все еще держал бренди в руке. Джеймс осушил бокал и поставил его на каминную полку. Затем сгреб брата в объятия. Тот, разумеется, выдержал медвежьи тиски, но в конце концов промычал:

– Бог мой, Джеймс, надеюсь, ты не собираешься так набрасываться на Джордж? И уж тем более не плачь. Я, правда, плакал. Но мы оба не можем показать сейчас себя такими ослами.

Джеймс только глуповато хмыкнул и похлопал брата по спине. Он был так счастлив, что на него было больно смотреть. Уоррен подумал, что никогда прежде не видел столько чувств на лице этого человека. Кроме того, еще несколько минут назад, когда они не находили себе места от тревоги и беспокойства за одну и ту же дорогую им женщину, между ними не существовало и тени вражды.

Когда Джеймс повернулся и встретился глазами с Уорреном, тот сказал, ухмыляясь:

– Даже не думай об этом. Я тебе не дамся.

Уоррен имел в виду бурные объятия, в которые заключал Джеймс на радостях тех, кто его поздравлял, но поскольку с того самого момента, как Реджина принесла утешительные известия, Уоррен не переставал улыбаться, Джеймс улыбнулся в ответ, и они пожали друг другу руки.

Поздравления, объятия, похлопывания по спине, рукопожатия продолжались еще долго. Джеймс рвался к жене, но Реджина заверила его, что Джорджина сразу уснула, а доктор с Шарлоттой занялись ребенком.

Наконец появилась Рослин, усталая, но улыбающаяся. Она почти упала в объятия своего мужа и сказала Джеймсу:

– О, она так прекрасна. Без сомнения, из рода Мэлори. Эта не будет похожа на Тони.

С ее слов все поняли, что родилась блондинка.

Джеймс, немного пришедший в себя, заявил:

– Плохо, я уж думал подразнить этим Джордж. К чему? Чтобы она совсем перестала меня принимать.

– Дорогой мой, тебе помощников не нужно, сам справишься.

– Рос, мы можем ехать домой, он пришел в себя, – сказал Энтони жене.

Но в это время Шарлотта вошла в комнату с белым свертком и торжественно вручила свою драгоценную ношу Джеймсу. На миг воцарилось молчание. Счастливый отец этого даже не заметил. Он был поглощен созерцанием своей дочери. Никто из собравшихся в комнате не мог бы вспомнить, что видел когда-нибудь этого человека с выражением такой любви и умиления на лице. Малютка, только что появившаяся на свет, приковала к себе все взоры. Джеймс, гордый своим отцовством, не хотел ни с кем делить эту радость и хотя бы дать ее кому-нибудь поддержать. Энтони, однако, вспомнив недавний разговор с братом, с самым невинным видом поинтересовался:

- Послушай, как ты собираешься назвать это маленькое сокровище?

Джеймс, как будто очнувшись, посмотрел на Энтони в упор, затем оглядел столпившихся Андерсонов и объявил:

- Джек.

Естественно, это вызвало бурю протестов, но Джеймс, подождав немного, спокойно осведомился:

- Вы помните, кто ее отец и кто имеет право дать имя ребенку?

Никто не стал спорить. Самый маленький член семейства Мэлори будет назван Джеком, правда, у Андерсонов еще оставалась надежда на Джорджину: возможно, младенца будут крестить как Жаклин, а отец сможет называть ее, как ему вздумается.

Глава 7

- Где это ты пропадал прошлой ночью, Джереми? - поинтересовалась Эми у своего кузена, который появился в столовой, где был сервирован завтрак. Стол был накрыт в два часа дня, потому что раньше этого времени все равно никто бы не поднялся. Когда Эми открыла глаза, она первым делом решила позавтракать. - По правде говоря, я и не уезжала, - зашебетала Эми, наливая Джереми чашку кофе, и остановилась. - Быть может, ты хочешь чаю?

- Мне все равно, как тебе угодно. А что ты имеешь в виду, говоря «не уезжала»? Ты что, еще не ложились?

Удивление Джереми легко можно было понять. Во-первых, на ней было другое платье, не то, в котором она была вчера, а из персикового органди, во-вторых, она и сама была свежа как персик.

- Я поклялась тете Джордж, что присмотрю за домом, пока она поправляется, тем более что в прошлом месяце ушла экономка, а на прошлой неделе уволили

ее преемницу. Так что кому-то нужно взять это на себя. Или, может, ты этим займешься?

Джереми чуть не поперхнулся.

– Ну уж это тыхватила. А тебе не кажется, что ты слишком молода для этого?

– Большинство девушек моего возраста уже выставлены на ярмарку невест и обучены ведению хозяйства. Почему же ты думаешь, что за меня надо волноваться больше, чем за других? Именно я не справлюсь?

Ее синие глаза, того же кобальтового оттенка, что у него, сузились, как у кошки, и Джереми покраснел.

– Я этого не говорил.

– Вот и хорошо. А то пришлось бы отодрать тебя за уши.

Он одарил ее одной из своих самых обворожительных улыбок, чтобы умаслить хоть немного. Она ведь была из Мэлори! А все Мэлори отличаются буйным темпераментом. Правда, ее собственный отец совсем не такой, но он счастливое исключение из правила, а Эми здесь ни при чем. Ну и, кроме того, с тех пор как они стали друзьями, эта девушка не перестает его изумлять.

Тут Джереми спросил с притворным удивлением:

– Не хочешь ли ты сказать, что теперь твои ухажеры будут обивать пороги нашего дома?

– Нет, если ты не станешь болтать о том, где я нахожусь.

Теперь он и на самом деле был удивлен.

– Неужели ты не хочешь воспользоваться плодами своего успеха?

– О Господи, я всегда хотела, чтобы ко мне относились как к взрослой. Мои сестры радовались каждому, кто являлся к ним с визитом, а мне этого не требуется.

– Почему же нет? – Он с нетерпением ждал, что она ответит. – Ты что, не хочешь замуж?

– Очень хочу. И обязательно выйду.

– А, – сказал он, решив, что все понял, – ты не встретила еще подходящего парня и просто ждешь.

– Да, вот именно, – подхватила Эми, не решаясь открыть правду даже ему.

– Ты поэтому попросилась помогать Джордж, чтобы спрятаться?

– Знаешь, мне на самом деле очень нравится твоя мачеха, Джереми. Я бы не оставила ее без помощи, даже если бы у меня была уйма интересных занятий. Доктор велел ей находиться в постели по крайней мере еще неделю. А я единственный человек в семье, которому больше нечем заняться, и вполне естественно, если я возьму некоторые хлопоты на себя.

– Тебе не надо тратить столько слов, – заметил Джереми, чувствуя неловкость за свою бестактность, – я уже и так все понял. Пожалуй, здорово будет иметь тебя под рукой.

Она подняла в ответ одну бровь, мастерски скопировав его дядю и отца.

– Неужели, даже если я буду добиваться от тебя ответов на вопросы, на которые ты не хотел бы отвечать?

– Что, заметила?

– Надо быть слепой, чтобы не заметить.

Он засмеялся:

- Так какой был вопрос?

- Так где ты пропадал прошлой ночью? За то время, что ты отсутствовал, можно было доехать до самого Хаверстона и вернуться вместе с Конни обратно.

- За ним я послал Арчи, хотя сейчас я и сам недоумеваю, как старый морской волк нашел к нему дорогу. Из-за Джордж он мог бы навсегда потеряться в этой глуши. Если бы она подождала недельку-другую, он и так бы вернулся в Лондон.

- А чем, кстати, он там занимается?

- Он хотел узнать, можно ли еще спасти то, что осталось от его владений близ Хаверстона. После столь долгого отсутствия он думал, что все уже пошло прахом. Правда, теперь у него есть средства и время, чтобы привести все в порядок, ведь он тоже не будет больше плавать.

- А ты, Джереми, будешь скучать по морю?

- Вряд ли, ведь я никогда подолгу не плавал с отцом. К тому же после того единственного морского сражения, в котором я участвовал и был ранен, а отец и Конни оказались в плену, все кончено. - Тут Джереми усмехнулся: - Теперь-то мне вообще не о чем жалеть, я куда как весело живу.

- Не сомневаюсь, что очень весело, учитывая, как часто тебя приходят искать из школы.

- Адские колокола! Мне только не хватает, чтобы ты пилила меня, как Джордж. Она прожужжала мне все уши. Назидания сыплются из нее как из рога изобилия, но это пустяки по сравнению с тем, как наседают на меня Конни и отец. Можно подумать, им никогда не было восемнадцати!

Она улыбнулась, услышав его ворчание:

- Думаю, твой отец все прекрасно помнит, поскольку тебя зачали именно в то время, правда, тогда он еще этого не знал. Я слышала, он был одним из самых известных повес в Лондоне. По слухам, у него были утром, днем и вечером разные девушки, и так каждый день. Ты о таком веселье говоришь?

- Ты порядком мне надоела, - отрезал Джереми, - ты вообще не должна говорить на такие темы! Откуда ты это взяла?

Она от души рассмеялась, заметив, как Джереми залился краской:

- От Реджи, конечно. Ее хлебом не корми, дай посплетничать о двух своих самых любимых родственниках. Разумеется, дядя Джейсон и мой отец никогда не давали повода для сплетен, хотя кое-что о дяде Джейсоне мне все-таки известно.

- Что бы это могло быть?

- Я не могу тебе сказать.

- Полно, Эми. Все равно я когда-нибудь все из тебя вытащу, так не лучше ли сейчас мне все рассказать.

- Нет, этого я тебе не скажу никогда. Честное слово.

- Хорошенькое дело! А я-то тебе все свои тайны поверяю.

Ему пришлось прервать свои жалобы, потому что Эми выразительно хмыкнула и добавила:

- Ты мне даже половины не говоришь! А сейчас ты просто опять стараешься уйти от ответа, где ты был прошлой ночью. Почему же ты не остался, разве тебе не пришло в голову, что ты мог понадобиться отцу в такое время? Он места себе не находил.

- Но там же был Тони. - Джереми усмехнулся. - К тому же я слышал, что твой отец тоже сумеет за себя постоять, если понадобится.

- Да-а? - протянула Эми. - Кто тебе сказал?

- Не важно. - Джереми явно хотел ей отомстить за то, что она не рассказала ему о Джейсоне. - Ты забываешь, что мой отец уже сталкивался с братьями Джордж и ни в чем им не уступил. Уж не думаешь ли ты, что они способны напасть на

него все вместе?

- При чем тут это? Он действительно нуждался в поддержке, но я говорила о другом.

- Я еще раз повторяю, что слишком хорошо его знаю. Мне вовсе не улыбалась участь мальчика для битья, вот я и уехал вчера.

- Он, однако, продержался, гроза прошла стороной.

- Ты себе не представляешь, как она была близка! Я не видел у него такого лица с тех пор, как он гонялся за Николасом Иденом.

Эми никогда не слышала этой истории целиком, только отдельные отрывки, поэтому спросила:

- Они правда были такими смертельными врагами?

Джереми покачал головой:

- По-моему, отец хотел его припугнуть, но пока он за ним гонялся, Николас взял да и женился на нашей кузине. Отец его никогда не простит. - Эми не раз была свидетельницей словесных перепалок между Джеймсом и мужем Реджи и поэтому была склонна поверить Джереми. - Разумеется, сейчас у отца пять великолепных мишеней для разминки - пятеро братьев Джорджины.

Эми, едва заслышав о братьях, сразу задумалась о своем: она вспомнила, как прошлой ночью украдкой наблюдала за Уорреном. Это было для нее удовольствием, впрочем, она предпочла бы другие обстоятельства, потому что Уоррен был так же рассеян, как и Джеймс. Его любовь к сестре не вызывала сомнений, а значит, несмотря на все разговоры, он был способен на сильное чувство.

- Я не помешал? - раздался вдруг глубокий голос.

Эми вздрогнула, сама себе не веря. Он стоял на пороге, такой же неотразимый, как и всегда. Какой он высоченный! Сердце ее затрепетало. Потеряв дар речи,

она ничего не смогла ответить, а Джереми сказал весьма бодрым голосом:

– Совсем нет, янки. Я как раз собирался уходить.

Глава 8

Джереми и не думал шутить, когда сказал, что уходит. Он проглотил пару внушительных ломтей ветчины, булочку с изюмом, шагнул к двери, и вот его уже нет. Уоррен продолжал смотреть ему вслед, а Эми смотрела на него и никак не могла прийти в себя – наконец он настал, этот миг: совершенно неожиданно они остались наедине. Правда, они не совсем одни, надо помнить о слугах, повторяла она себе. Уоррена же кто-то впустил в дом. Но сейчас, именно сейчас, они одни! Не верится, что Джереми оставил ее одну. Он не поступил бы так, будь это кто-нибудь другой, но ее тетя, хоть и неродная, была сестрой Уоррена, и, естественно, юноша не нашел ничего предосудительного в том, чтобы оставить их наедине. А самое главное, Джереми даже и в голову не могло бы прийти, какие чувства она испытывает к Уоррену.

Глаза Андерсона-старшего теперь были обращены прямо на нее, и от этого ей стало не по себе. Наверное, когда он улыбается, у него появляются ямочки на щеках, но об этом можно только догадываться, ведь она никогда не видела его улыбки. Прямой нос, высокие скулы, упрямый подбородок выдавали недюжинный характер. Даже глаза нежного цвета весны не могли изменить его холодный взгляд и суровое выражение лица. Густая грива вьющихся темно-золотистых волос спадала на плечи тяжелыми прядями. Сейчас они были уж очень длинными, видно, хозяину так было легче с ними справляться.

Уоррен чем-то напоминал Энтони: мускулистого телосложения, он был не худым, а стройным, правда, ростом выше и чуть шире в плечах. Привычка стоять, широко расставив длинные ноги, как будто они выросли в палубу корабля, обнаруживала его сходство с дядей Джеймсом. Одежда Уоррена отличалась небрежностью: черный сюртук без жилета, серые брюки, простая белая рубашка без галстука. В традициях братьев Андерсонов было не носить галстука. Эми предполагала, что именно так и выглядят капитаны американских кораблей: не важно, у какого портного сшита одежда, лишь бы была добротной.

Ей срочно нужно было хоть что-нибудь сказать, но под его пристальным взглядом ничего не приходило в голову. Как странно, что она всегда мечтала оказаться с ним наедине. Она так часто в своих мечтах разговаривала с ним, намекая на свои нежные чувства. Эми совсем растерялась и вдруг выпалила:

– Завтрак? Быть может, вы хотите позавтракать?

– В такой час?

Андерсоны ушли в пять утра. Она слышала, что они остановились недалеко, в отеле Элбани на Пиккадилли. Тем не менее до постели они могли добраться не раньше шести. С тех пор прошло восемь часов, поэтому она не ожидала такого ответа на свое предложение. Но это же был Уоррен, циник, ненавидящий женщин, англичан, Мэлори, самый худший из братьев. Однако она пропустит колкость мимо ушей и оставит без внимания его холодную манеру держаться.

Эми встала, чтобы выйти из-за стола.

– Я полагаю, вы хотите видеть Джордж?

– Черт побери, неужели решительно все ее так зовут?

Как будто не замечая его раздражения, она ответила:

– К сожалению, когда дядя Джеймс представлял нам молодую жену, он назвал ее именно так, а она не поправила его. Только через некоторое время мы узнали, как ее зовут, но продолжаем так говорить по привычке. – Она пожала плечами. – Вы как будто тоже не зовете сестру Джорджиной, не так ли?

Уоррен казался опечаленным. Может быть, так он выглядит, когда смущен? Он и должен был смутиться. «Джорджи» ненамного женственнее, чем «Джордж». Но она совсем не хотела, чтобы он чувствовал себя неловко. Как ей не везет! Надо быть осторожнее и избегать имени, против которого он так настроен. Помолчав немного, она сказала:

– Тетя и дядя еще отдыхают. Они вставали ночью на первое кормление. Но потом улеглись, когда Джек заснула.

– Я вас умоляю не называть мою племянницу этим скверным прозвищем.

Это было скорее требование, чем просьба, и оно не скрывало настоящего гнева. Она внутренне вся задрожала: вызвать гнев Уоррена вот так, напрямую, один на один, было просто небезопасно. А что, если Джеймс вчера не шутил насчет ремня? Эми непроизвольно стала разглядывать его пояс. Он был очень широким и сделан из толстой кожи. Должно быть, чертовски больно испытать на себе эту штуковину.

– Какого черта, куда вы смотрите?

Эми мгновенно вспыхнула и думала только о том, как хорошо было бы спрятаться под столом. Потом она решила не кривить душой.

– На ваш ремень. Вы действительно воспитывали сестру с его помощью?

Он помрачнел еще больше.

– Это все рассказы вашего дядюшки?

Эми собрала все свое мужество и не отступала:

– Но все-таки?

– А вот это не ваше дело, деточка, – угрюмо сказал Уоррен.

Она вздохнула, сожалея о своем любопытстве, а впрочем, он, кажется, будет принимать в штыки каждое ее слово. Поэтому она просто решила заговорить о другом:

– Я вижу, вы серьезно относитесь к именам. Все мои дяди, кстати, тоже. Это началось с имени моей двоюродной сестры Реджины. Вся семья зовет ее Реджи, но дядя Джеймс решил отличиться и стал называть ее Риган. Сейчас скандал поутих, но сначала это посеяло семена раздора. Странно, что в этом вы так похожи.

Ее невинное замечание, однако, привело лишь к тому, что лицо Уоррена исказила гримаса отвращения, ибо его сравнили с Мэлори. Это было до того нелепо, что хотелось расхохотаться, но она не рассмеялась и даже не улыбнулась, наоборот, постаралась смягчить свой намек.

– Если вас это хоть немножко утешит, то скажу, что сегодня утром ваша сестра никак не могла опомниться, услышав о задумке дяди Джеймса. Она сказала, что назовет свою дочь Жаклин, в крайнем случае Джекки, а если ему это не нравится, он может делать все, что хочет.

– Вот именно.

– Уоррен, пожалуйста... вы не против, если я буду так вас называть?

– Вы можете называть меня мистер Андерсон или, если угодно, капитан Андерсон, – процедил он сквозь зубы, скорее всего потому, что она его, кажется, осуждала.

– Нет, так не пойдет, слишком официально. У нас с вами будут другие отношения. Если Уоррен не подходит, то я придумаю что-нибудь другое. – Она лукаво улыбнулась ему и прошла мимо, прекрасно отдавая себе отчет в том, что он просто потерял дар речи на какое-то мгновение, не находя ответа на вопрос, какие это у них должны быть отношения, если не «официальные». Ничего, у них будут отношения, даже если сейчас их и нет.

Эми сделала несколько шагов к лестнице, обернулась и увидела, что он смотрит ей вслед. Она не удержалась и сказала:

– Вы можете подняться в детскую, если хотите полюбоваться на Джек. Или можете подождать, пока Джордж встанет.

Не дожидаясь ответа, она стала медленно подниматься и услышала, как он неохотно проворчал:

– Я хотел бы увидеть малютку.

– Тогда пойдемте, я отведу вас.

Эми, не оборачиваясь, подождала, пока он догонит ее, но он взял девушку за руку, и она от неожиданности тихонько вздохнула.

– А что, собственно, вы тут делаете?

– Я буду помогать вашей сестре, пока доктор не разрешит ей вернуться к своим обязанностям.

– Почему именно вы?

– Просто потому, что мне нравится ваша сестра и мы стали друзьями. Теперь вас не мучит совесть, что вы так скверно со мной обошлись?

– Нет, – быстро ответил он, но все же ей показалось, что складка у его губ стала помягче, а глаза чуточку потеплели, и добавил: – Для девушки вашего возраста вы очень смелы.

– Господи, только не улыбайтесь, ведь тогда покажутся ямочки на ваших щеках! – вскричала она в притворном ужасе.

К своему удивлению, он не удержался от смеха, но тут же замолчал и даже покраснел. Эми отвернулась, чтобы не смущать его еще больше, и направилась к слабо освещенной детской.

Очаровательная крошка спала, повернув головку набок, маленький кулачок был прижат ко рту. Несколько прядок волос были совсем светлыми. Любопытно, какими станут ее глаза, зелеными или темно-кариими? Пока они были голубыми, как у всех новорожденных.

Уоррен неслышно подошел и встал рядом с Эми, любуясь малюткой. Непонятная тоска овладела Эми: они были наедине, Джек безмятежно спала; может, больше такого случая не будет. Скорее всего это единственная возможность: Уоррен недолго пробудет в Англии, а их семьи такие большие! Она просто не знала, что делать.

Эми искоса посмотрела на Уоррена и опять отметила, каким нежным взглядом он смотрит на племянницу. Немногие удостаивались такого взгляда!

– Вы находите детей прелестными?

– Я люблю их, – ответил он, не глядя на нее. Пожалуй, он просто рассуждал вслух, потому что добавил: – Они не разочаруют и не разобьют вам сердце, хотя бы пока не вырастут.

Она не знала, кого он имеет в виду: свою сестру или женщину, которую он любил, или обеих вместе, поэтому Эми, ни слова не говоря, молча наслаждалась тем, что они стоят так близко. Уоррен и Дрю были очень похожи, несмотря на восемь лет разницы, но только внешне. Эми так хотелось заглянуть под непроницаемую оболочку, за которой, как в раковине, скрывалась душа Уоррена. Быть может, там, где-то глубоко, скрывается еще один веселый, обаятельный Дрю. Она надеялась также увидеть нежного и внимательного человека, человека, который не случайно мог быть таким заботливым по отношению к своей единственной сестре, а сейчас проникся такой любовью к племяннице. Она многое о нем знала, знала, что он пережил глубокую обиду, что сердце его растоптано и поэтому он так холоден, циничен и недоверчив. Как справиться со всем этим? У Эми не было ответа, кроме уверенности в том, что добьется своего. Неожиданно она услышала собственный тихий шепот:

– Я хочу тебя, Уоррен Андерсон.

Эти слова сами собой сорвались с ее губ. Эми была готова провалиться сквозь землю. Она всегда была смела, но не настолько же! Она тут же поправилась:

– Вношу ясность. Во-первых, я хочу за тебя замуж, а во-вторых, хочу всего, что за этим стоит.

Сначала он ничего не ответил: на этот раз она по-настоящему сбила его с толку. Но затем его цинизм взял верх.

– Видишь ли, начало было забавным, а продолжение никуда не годится. Я не собираюсь жениться. Никогда!

– Знаю, – вздохнула Эми. Сегодня ей решительно не везло с прямотой. – Но я надеюсь это изменить.

- В самом деле? А как? Как, девочка моя, ты собираешься это изменить?

- Начну с того, что ты перестанешь относиться ко мне, как к маленькой девочке. Я вполне созрела для замужества и могу заботиться о своей собственной семье.

- И какой же возраст для этого подходит?

- Восемнадцать. - Это была совсем маленькая ложь. До ее дня рождения оставалось меньше двух недель.

- Великий Боже, почтенный возраст! - сказал он с издевкой. - Но когда ты действительно повзрослеешь, ты узнаешь, что к леди, которые ведут себя так смело, недолго относятся как к леди. Или ты об этом и хлопчешь? Ты не в моем вкусе, но я был в море целый месяц, поэтому не стану привередничать. Пойдем к тебе.

Он старался уничтожить ее. К счастью, она об этом догадалась и не была оскорблена, обижена или напугана. Раз уж они об этом говорили, она не намерена была отступать.

- Разумеется, но только когда мы будем помолвлены.

- Обычный трюк! - Он фыркнул, затем усмехнулся: - Здесь, в этой стране, девушек всегда так рано учат?

- Это был не трюк, это было обещание, - сказала она мягко.

- Надо получить задаток.

Одной рукой он обхватил ее за талию и привлек к себе. Большого усилия и не понадобилось: она хотела его поцелуя гораздо сильнее, чем он намеревался преподать ей урок. Эми обвила руками шею Уоррена так сильно, как только смогла. Когда их губы встретились, она сразу поняла, что это было именно то, чего она ожидала. Такой поцелуй должен был обескуражить ее - глубоко чувственный и требовательный. Однако Эми не собиралась уступать Уоррену по части поцелуев. Никто в ее семье об этом не догадывался, но последние два года она немало упражнялась и весьма преуспела в этой науке. Она не бывала

на балах, но в то же время не была лишена всех развлечений. Девушка посещала небольшие приемы, где присутствовали и другие начинающие или ожидавшие выхода в свет. Считалось, что детям следует видеть, как себя должны вести взрослые. И поскольку всегда можно было встретить девочек и мальчиков своего возраста, Эми каждый раз находила себе кавалера, с которым можно было уединиться в каком-нибудь укромном уголке дома или сада. Особенно один мальчик, на год моложе ее, был так опытен, как все остальные, вместе взятые. Но этим опытом он был обязан некоей женщине, которая, по его хвастливым уверениям, пыталась его соблазнить.

Как бы там ни было, Эми не была новичком, быстро поняв, что Уоррен хочет ее проучить, и даже догадывалась, как он намерен это проделать. Однако то, что она почувствовала в его объятиях, было ни с чем не сравнимо. Она и раньше предполагала, что он был тем единственным мужчиной, который вызывал у нее неясные для нее самой, но очень бурные чувства. Но сейчас, когда их тела так тесно соприкасались, когда ее губы горели от его прикосновений, она как будто впала в забытие и уже ничего не понимала. Эми не могла с этим бороться, она давно мечтала об этом, страстно желая пробудить в нем ответное чувство, и теперь это, кажется, становилось явью. Когда язык его проник в ее рот, ее собственный быстро двинулся ему навстречу для ответной ласки. Со стоном она придвинулась еще ближе. Ей казалось, что она умрет от удовольствия, когда он обнял ее еще крепче. Она почувствовала сначала его удивление, затем его готовность принять ее, затем, уже в самом конце, осознание того, что он делает.

– Боже мой, – проговорил он и оттолкнул ее от себя. Дыхание его было таким же неровным, прерывистым, как и у нее. Зато в глазах больше не было льда.

Она надеялась увидеть в них желание, хотя уверенности не было. Судя по лицу, он не очень-то был доволен ею, а вернее, собой, и недовольство его быстро росло.

– Где это ты научилась так целоваться? – резко спросил Уоррен.

– Я практиковалась.

– А еще в чем ты практиковалась?

В его тоне явно звучал оскорбительный намек, и она вышла из себя:

- Совсем не в том, о чем ты думаешь. Между прочим, я сумею постоять за себя, если кто-нибудь попытается перейти границы дозволенного. Такую пощечину влеплю!

- Не советую пробовать на мне, - предупредил он менее суровым тоном, ибо начал приходить в себя.

- Не стала бы и пытаться, - ответила она, вспомнив его широкий ремень.

- Впрочем, мне это не грозит, ведь я не собираюсь переходить границы, - добавил он быстро, - я только хотел предупредить, чтобы ты держалась от меня подальше.

- Почему?

Она была разочарована, и это было так явно, что он взорвался:

- Черт подери, ты же еще ребенок!

Глаза ее сузились - она рассердилась и спросила напрямик:

- А ты всегда целуешь детей так, как только что поцеловал меня?

Его бросило в краску - это было видно даже в слабо освещенной детской. Не произнеся больше ни слова, она с достоинством повернулась и вышла.

Глава 9

- Ты подружилась с этой девочкой Эми? - небрежно спросил Уоррен сестру.

Джорджина не заметила, что, задавая вопрос, Уоррен слегка покраснел. У нее на руках была Жаклин, поэтому, естественно, внимание молодой матери было целиком поглощено малышкой.

– Пожалуй, это для меня был единственный выход, я здесь чужая, понимаешь? А почему ты спрашиваешь?

– Я был удивлен, снова застав ее в доме.

– Разве она не говорила, что поживет здесь, со мной, пока доктор и Джеймс не разрешат мне вернуться к своим обязанностям?

– А как ты себя чувствуешь?

Джорджина засмеялась:

– Проклятие! А как ты думаешь? Я чувствую себя, как будто я только что родила ребенка.

– О Джорджи! Тебе совсем не обязательно говорить, как они, только потому что ты живешь с ними.

– Ради Бога, Уоррен, почему я должна все время оглядываться, когда ты рядом? Неужели ты не можешь порадоваться, что я счастлива, что у меня здоровая, красивая дочка, что мне повезло и я люблю своего мужа? Немногие могут этим похвастаться. Большинство женщин выходят замуж, чтобы угодить своим близким, а потом уже их счастье никого не волнует.

Он все понимал, кроме одного: как такой человек, как Джеймс Мэлори, мог завладеть сердцем его сестры. Сам Уоррен его просто терпеть не мог, не выносил его странного чувства юмора. Он никак не мог понять, что Джорджина в нем нашла. Безусловно, Мэлори не подходил ей, он ей не пара. Но пока сестра счастлива, а это бросалось в глаза, он будет сохранять нейтралитет. Как только он заметит какие-то разногласия, он тут же увезет Джорджину в Америку, на родину.

– Прости, – смиренно сказал Уоррен, который не хотел ее обижать. Он снова заговорил об Эми, потому что это казалось безобидной темой. – Эта Эми, она не слишком молода, чтобы выполнять твои обязанности?

– Наверное, ты шутишь, – сказала она недоверчиво, – забыл, что мне было только двенадцать, когда пришлось взять на себя весь наш дом?

Он, однако, упорствовал:

– Это были зрелые двенадцать.

Джорджина хмыкнула, увидев его упрямство:

– А у Эми – весьма зрелые семнадцать.

– Семнадцать?

– Тут не о чем беспокоиться, – ответила она, нахмурившись, не в силах понять настроение брата. – Через неделю или около того ей будет восемнадцать. Ты бы видел, каким успехом она пользовалась во время своего дебюта. Ее только что вывезли в свет. – Джорджина засмеялась, вспомнив тот день. – Джеймс был сражен, до первого бала он и не замечал, какой взрослой и красивой она стала.

– Почему он должен был обращать на нее внимание, ведь она не его дочь!

Джорджина в ответ подняла бровь – Уоррен с неудовольствием отметил еще одну неприятную привычку, которую она переняла у своего мужа.

– Ты полагаешь, Джеймс слишком стар для меня? Я тебе клянусь в обратном.

Уоррен хотел было продолжить обсуждение, но передумал, не желая давать повод Джорджине для подозрений, поэтому он ограничился уклончивым замечанием:

– Я ничего не имел в виду.

Они немного помолчали, Джорджина осторожно положила Жаклин на кровать рядом с собой. Затаив дыхание Уоррен смотрел, как легко ее пальцы летали над малюткой. Джорджина вздохнула:

- Думаю, она скоро выйдет замуж.

- Крошка? - недоверчиво переспросил Уоррен.

- Да нет, глупый, Эми. - Она улыбнулась. - Я буду скучать, если она, как ее сестры, уедет жить в деревню.

- Если тебе здесь одиноко, ты можешь вернуться домой, - предложил он.

Джорджина была искренне удивлена.

- Ты опять забываешь, что дома я гораздо чаще, чем здесь, сидела одна, Уоррен. Ни тебя, ни других моих братьев я не видела месяцами.

- Но теперь все по-другому, ведь мы отказались от торговли с Китаем.

- Не все ли равно, от чего вы отказались. Ни один из вас никогда подолгу не жил дома между рейсами. Даже Бойд постоянно находился в плавании, хотя капитаном и не был. Кроме того, я не говорила, что боюсь быть одна. Мой муж проводит дома больше времени, чем вне его.

Красноречивый взгляд, полный неприязни, выдал мысли брата, однако вслух Уоррен сказал:

- Он же ни за что не отвечает, ничего полезного не делает.

- Полегче, Уоррен. Ты осуждаешь Джеймса за то, что он богат и может позволить себе не работать. К этому стремятся все американцы, просто наши отцы и деды сделали это за нас. Но ты продолжай, а я послушаю, к чему ты клонишь.

- Проклятие, это совсем не то, что я имел в виду. У меня денег предостаточно, я, можно сказать, не знаю, куда их девать, но при этом ты не можешь меня упрекнуть, что я болтаюсь дома и ничего не делаю, не так ли?

- А Джеймс тем более не сидит дома. Когда-то у него была процветающая плантация в Вест-Индии, потом собственный корабль.

- По-твоему, пиратство – достойное поприще?

- Он не всегда этим занимался, и сейчас не стоит обсуждать дни его юности. Мы не знали его тогда и даже отдаленно не представляем его помыслов. Побойся Бога, Уоррен, это говоришь ты, который поставил в заклад собственное судно, свою гордость и отраду, против дурацкой вазы и сам чуть не погиб из-за нее!

- Не дурацкой, а бесценной!

- Так или иначе, это было безумие.

- Не безумие, а риск.

Тут они замолчали, осознав, что из-за их громких голосов Жаклин забеспокоилась. Оба покраснели от смущения и одновременно произнесли:

- Прошу прощения.

Услышав шум наверху, Джеймс мгновенно взлетел по лестнице и стал свидетелем последних слов. Не долго думая он выпалил:

- Послушай, янки, если хоть еще один раз она из-за тебя заплачет, я тебя в порошок сотру!

- Джеймс, прошу тебя, – быстро прервала его Джорджина, – мы немножко погорячились. Уоррен никак не может привыкнуть к тому, что я ему противоречу. Раньше я никогда этого не делала.

«Еще одна дурная привычка Мэлори», – отметил Уоррен про себя, но промолчал. Он не хотел драться со своим зятем, по крайней мере до тех пор, пока не возьмет несколько уроков бокса и не сможет превзойти Джеймса.

Он просто поддержал Джорджину:

- Она права, Мэлори. Я уже принес свои извинения. Это больше не повторится.

Бровь Джеймса взлетела вверх, что было явным признаком: он не поверил ни единому слову. Но, к облегчению Уоррена, Джеймс отошел к кровати и взял из нее дочь.

- Иди ко мне, Джек, пойдем поищем спокойное местечко, - говорил он, направляясь к двери.

Джорджина подождала, пока дверь за мужем закрылась, и обратилась к брату:

- И пожалуйста, ни одного слова о том, как он ее зовет, ты меня слышишь?

- Я не собирался заводить об этом разговор, ты сама начала, но учти, мне доподлинно известно, что тебе это тоже не нравится.

- Да, не нравится, но я знаю, как с этим быть.

- Да? И что же нужно делать?

- Ничего. Не обращать никакого внимания. Неплохо бы тебе попробовать. Немного снисходительности тебе не повредит.

- Ты становишься все больше похожа на своего мужа.

- Джеймс был бы счастлив услышать такие слова.

Уоррен помрачнел и спросил:

- Джорджи, пожалуйста, ответь мне на один вопрос. Ты сама знаешь, почему он всегда так себя ведет? Чего он добивается?

- Я знаю, и этого достаточно. Не стану описывать тебе все обстоятельства его прошлой жизни, которые его таким сделали, точно так же как не буду и ему объяснять, что сделало тебя таким бессердечным и грубым. А если ты на самом деле хочешь это выяснить, почему бы не спросить его самого?

- Обязательно так и сделаю, - проворчал Уоррен.

– Прекрасно, а пока вернемся к тому, о чем мы говорили. Я пыталась тебе объяснить, что Джеймс не бьет баклуши целыми днями, как ты себе это воображаешь. Когда он вернулся в Англию, он уволил всех управляющих и теперь сам распоряжается своей собственностью. Кроме того, он занимается своими вложениями, которые сделал за него Эдвард, и даже намерен приобрести торговые суда.

– К чему это? – в ужасе спросил Уоррен.

– Ну, не знаю, – улыбнулась она. – Может, хочет показать своим шуринам, на что он способен, может, хочет меня сделать своим советником. Конечно, если бы кто-нибудь предложил ему долю в пароходстве «Скайларк»...

Уоррен не мог понять, шутит она или говорит серьезно, дразнит его или на самом деле хочет, чтобы ее муж стал их полноправным партнером. Но сама мысль ввести в семейное дело англичанина, да еще которого он просто не переносил, была ужасна.

– Было бы прекрасно, если бы ты вышла замуж дома, а не в этой проклятой стране.

Она не рассердилась на него на этот раз, а только вздохнула:

– Уоррен! Что сделано, то сделано. Постарайся привыкнуть.

Он вскочил с кресла, на котором сидел, и подошел к окну. Стоя спиной к сестре, он сказал:

– Хочешь – верь, хочешь – нет, я стараюсь, Джорджи. Если бы он только не искушал меня своими шуточками. Меня угнетает то, что теперь, когда я больше времени провожу дома, тебя там нет.

– О, Уоррен, я так люблю тебя, несмотря на твой несносный характер, – ответила она очень нежно, – но скажи, тебе не приходило в голову, что теперь вы гораздо чаще будете бывать здесь, поскольку Клинтон начинает торговать с Англией? Может статься, что я буду вас чаще видеть, чем раньше.

«Да, но чтобы ее чаще видеть, надо смириться с Джеймсом Мэлори, а это разные вещи», – подумал Уоррен.

– А как вообще дела? – спросила она, уклоняясь от неприятного разговора.

Не в восторге от нового замысла, Уоррен в ответ пожал плечами:

– Клинт с остальными отправился подыскивать подходящее место для конторы. Я тоже должен был идти, но мне так хотелось сначала повидаться с тобой, а вечером мы придем к тебе все вместе.

– Ты хочешь сказать, что у «Скайларка» будет своя контора в Лондоне? – обрадовалась Джорджина.

Он повернулся к ней, чтобы удостовериться, что она на самом деле испытывает тот восторг, который был слышен в ее голосе.

– Этот план принадлежит Дрю. Поскольку мы снова собираемся иметь дело с англичанами, почему бы не бросить все суда «Скайларка» на этот новый маршрут и не получить преимущество во времени?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/magiya-lyubvi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)